

УДК 165.62

ПРОБЛЕМА СТРАХА В СУБКУЛЬТУРЕ ЭКСТРЕМАЛОВ

Я.О. Дьяченко

ФГБОУ ВПО «Тверской государственной технический университет», г. Тверь

Статья посвящена проблеме страха относительно тех социальных групп современного общества, целью которых является контроль над ним, понимание того, что происходит с сознанием, когда мы схватываем переживание страха, осознанное стремление к ситуациям риска, противопоставление себя группам воспринимающим риск как вынужденный отрицательный феномен общества, осуществляющего попытку декларировать тотальную безопасность.

Ключевые слова: страх, риск, интенциональность, социальный агент, символический капитал.

Страх является одним из модусов человеческого бытия. Сегодня страх и риск популярны как никогда. Парадоксально, но в обществах, где страхуется практически всё, где индивид обложен разного рода подушками безопасности как материального, так и нематериального плана, поток предостерегающей информации описательного плана обусловливает попадание члена общества в многочисленные ситуации, вызывающие страх. Причём совершенно не имеет значения адекватное отображение предмета приложения страха, скорее наоборот, для массового сознания создаются мифы с меткой «испытывать страх». Целью данной статьи является раскрытие ряда аспектов личной и социальной рефлексии индивидов, которые имеют непосредственное отношение к тренду сознательного вызова страхам в обществе рисков.

При анализе данного вопроса мы сталкиваемся с трендом, задача которого структурировать габитус индивида в нужном направлении, подчеркнуть мнимость его свободы перед лицом потенциальных опасностей, реализовать проект символического насилия. Вокруг этого тренда построена целая индустрия в различных сферах жизни человека. С другой стороны, сформирован тренд-антагонист для ряда социальных групп, который будет иметь свою область в социальном пространстве. Таким трендом является феномен противопоставления себя тем группам, на которых всё, что связано со страхом, тревогой, опасностью и риском действует подавляющим и угнетающим образом, группам, индивиды которых стремятся максимально обезопасить свою жизнь путём торга со структурами, порождающими символы риска и страха. Такое противопоставление характерно для представителей различных экстремальных видов спорта, представителей радикальных политических движений, ориентированных на прямую физическую агрессию, различных негосударственных военизированных и общественных организа-

ций милитаристского толка и т. д., т. е. тех групп и общностей, которые ищут возможности подвергнуть себя риску, почувствовать страх, столкнуться с ним, положительным образом структурировать его в системе своего сознания. Применительно к таким группам экстрима целесообразно проанализировать страх с позиций феноменологии, социальной философии, психоанализа.

Современная мода на бесконтрольное постоянное наслаждение, всячески пропагандируемая в средствах массовой информации, тематика которой широко представлена на всём пространстве мировой сети, в буквальном смысле толкает людей на идеализацию своих «интимных стремлений». Трендом для каждого современного представителя развитых обществ стало отождествление целого ряда своих личных желаний, овладение всё новыми формами и инструментами получения наслаждения с понятием индивидуальности, которое в свою очередь навязывается системным элементом индивиду извне. Мы часто сталкиваемся с суждением о невозможности подтвердить очевидность собственной идентификации без противопоставления себя и своих желаний общественным нормам и принципам построения различных социальных структур. Относительно данного явления З. Фрейд отмечал: «У нас вошло в привычку говорить, что наша культура построена за счет сексуальных влечений, которые сдерживаются обществом, частично вытесняются, а частично используются для новых целей. Даже при всей гордости за наши культурные достижения мы признаем, что нам нелегко выполнять требования этой культуры, хорошо чувствовать себя в ней, потому что наложенные на наши влечения ограничения тяжким бременем ложатся на психику» [1, с. 317]. В силу этого по отношению к понятию страха формируются как конформные, так и нонконформные группы. Индивид выходит на некое подобие рынка внутри своего сознания. С одной стороны, он испытывает страх реализовать свой спрос, страх остаться вне тех групп, в состав которых он уже входит, потерять наработанную идентификацию, утратить социальное место в пространстве тотальной безопасности. М. Дуглас связывает безопасное существование такого индивида с определенными «классификационными схемами» действий, различение с которыми трактуется как риск, который возникает в пространстве между границ как феномен неопределенности, промежуточности [2, с. 132]. С другой стороны, его одолевает предвкушение той символической прибыли, которую он получит за преодоление своего страха на своём внутрисознательном рынке, прибыли, реализованной после вхождения в тренд антибезопасности. Речь идёт не только о психологическом наслаждении, это всего лишь один из срезов проблемы, а в первую очередь о проблеме идентификации относительно двух вышеперечисленных трендов, желание вступить в символическую игру. Примером субкультуры таких индивидов может быть растущая в геометрической прогрессии субкультура сноубордистов-фрирайдеров, где

легко можно пронаблюдать такие внутрисознательные торги перед тем или иным испытанием. Собственно само испытание, сама грань, событие предельного риска, сам спуск занимает малую толику в том потоке интенциональных актов и психических переживаний, которые предшествуют ему и последуют за ним. Экстремал представляется писателем, который каждый раз пытается превосхитить переживание ситуации риска и связанного с ним горизонта сходных переживаний. Здесь мы чётко можем проследить формирование интенциональной структуры, которая впоследствии в интенциях ряда индивидов становится предметом приложения их интенционального вектора. М. Хайдеггер так описывает феномен ужаса: «...ужасом приоткрывается Ничто, человек сам подтверждает сразу же, как только ужас отступит. В ясновидении, держащемся на свежем воспоминании, нам приходится признать: там, перед чем и по поводу чего нас охватил ужас, не было, “собственно”, ничего. Так оно и есть: само Ничто – как таковое – явилось нам» [3]. Легко проследить, что такое определение в различных интерпретациях сегодня используют те, кто посредством схватывания, интерпретации феномена ужаса пытается добавить себе определённый символический капитал. Они пробуют решить вопрос своего – чужого по одной демаркационной линии, сделать один, но интенсивный и сложный допуск в социальную группу. Допуск, основанный на прорыве в линейности времени и переживаний, допуск, основанный на приближении к грани, на событии внутреннего коллапса линейности. Речь здесь идёт не только о прорыве к созерцанию Ничто, с которым может столкнуться адепт субкультур экстрима, а скорее о его предвкушении, рассмотрении в основном в качестве набора протенциональных и ретенциональных интенций. Что же ему даёт такой настрой сознания? Так или иначе индивид должен столкнуться с проблемой истинности собственного подразумеваемого, столкнуться с приведением к очевидности ряда феноменов своей жизни. Вспомним, как можно определить интенциональный акт, а также как происходит процесс приведения к очевидности. Это процесс синтеза, с одной стороны, мы имеем чистое представление, сигнитивную интенцию, где мы воздерживаемся от выявления данности предметного в созерцании. С другой стороны, для придания интенциональному акту характера истинности, интенцию следует наполнить продуктом созерцания, предваряющего наглядный образ [4, с. 79]. Вопрос состоит в том, на каком уровне индивид, входящий в группы экстрима, желает достигнуть очевидности. Ведь созерцание может быть индивидуальным восприятием переживания, а может быть усмотрением сущности феномена в перспективе его интересубъективного горизонта. Экстремал стремится к обоим: в вопросе индивидуального он жаждет личного опыта, личного непосредственного столкновения, истинности для себя прежде чем для других, договорённости внутри своего сознания. Это игра его разума, где всякое интенциональное единство конкретного акта отсылает его к

«Я» как к источнику таких единств переживаний, самому по себе являющемуся единством оных. Такой индивид собирает себя, дабы не тратить ценный опыт восприятия критической ситуации, а наоборот ставит задачу собрать свои переживания, данные в разных актах, в единое целое, пройти по цепи горизонта интенций как можно дальше. Здесь трудно провести линию различия между психологическим и феноменологическим подходом, поскольку процесс конституирования для индивида, который не прибегает к специфике философской рефлексии, может пройти как по линии оформления смысла данного в восприятии в качестве сущностного, так и в качестве реального психологического акта его внутренней психической деятельности. Задача прийти к сущности феномена предельных страхов и рисков для экстремала столь же приоритетна, сколь и для тех исследователей, кто в дальнейшем будет изучать их деятельность. Это обусловлено тем, что каждое событие приближения и перехода грани в своей потенции предполагает смерть, символический коллапс, соответственно экстремал стремится очистить переживание от лишних внешних смыслов. С интерсубъективным оно опять-таки действует в двух направлениях. Во-первых, задачу усмотрения сущности желания пережить страх экстремал ставит для последующего обогащения ключевых смыслов и символов его социальной группы. Во-вторых, он направлен на признание таких его конституирующих актов индивидами, которые составляют ядро, клуб его поля и которые заняты легитимацией полученного символического капитала. Иными словами, в вопросах общего он вынужден отчасти структурировать себя конституированием Другого, символическим другого. Ведь вслед за выходом из поля одного тренда должно последовать многоуровневое слияние с другим. Такой индивид играет со своим сознанием, постоянно перераспределяя маркеры значимости над различными интенциональными актами. Страх, вернее преодоление его, пусть и в ирреальном интенциональном мире, является как раз тем самым маркером. Посредством накопления переживаний с таким маркером индивид, во-первых, может идентифицировать себя с социальной группой, во-вторых, поддерживать себя в тонусе, в то время когда он лишен возможности актуального восприятия зоны высочайшего риска и её прохождения. Интервал для каждого будет индивидуальным. Нельзя твердо сказать, сколько времени сможет удерживать адреналин представитель праворадикального движения, который успел реализовать свою политическую направленность в конкретном акте агрессии против представителей другой нации, класса, приверженца других политических идей. Он формирует некий габитус, алгоритм, структуру привычных тактик и стратегий, с помощью которых будет достигать непрекращающегося потока наслаждения, развёрнутого во внутреннем времени, даруемого осознанием преодоления страха в конкретных экспериментальных ситуациях. Следует понимать, что такие индивиды не будут ратовать за отсутствие возник-

новения страха при контакте с предметом интенции. Им это абсолютно не требуется, ведь изжив этот страх, превысив уровень личной сопротивляемости чрезмерно, человек может столкнуться с тем, что обрубит реальность после риска. Таким образом, преодоление страха ни в коем случае не означает его искоренение. Скорее речь идёт о разумном повышении уровня сопротивляемости страху. С одной стороны, для того чтобы он раскрыл всю полноту возможных с ним переживаний и суждений, с другой – этот символический и воображаемый пласт должен подкрепляться столкновением с реальным.

Те индивиды, которые занимают позицию привилегированного клуба и обслуживают капитал данных субкультур, используют такую систему идентификации, как инструмент контроля. Желание преодоления страха, данное индивиду извне, теми средствами, которые декларируются извне, дают уверенность в том, что такой индивид не выйдет за пределы норм, прописанных для этих субкультур. Отдаляясь от ядра, выходя на орбиту такой социальной группы индивид, хотя здесь было бы уместно использовать термин социального агента, сталкивается с необходимостью всё большей ирреализации своего опыта, поскольку он отдаляется от того капитала, который необходим, для того чтобы столкнуться со страхом в непосредственном восприятии. С другой стороны, он попадает в пространство, где может свободно перебирать те интенциональные акты, в которых потенциально содержится предметное для его страха. Он открывает для себя привлекательную возможность находиться в орбите социальной группы экстрима, при этом пользуясь заёмными восприятиями, проецируя их на себя в качестве подразумеваемого. Таким образом, он может достаточно долго выдерживать без собственно индивидуального восприятия непосредственной ситуации риска. Примером тому может служить группа альпинистов, анализирующая видео чужих восхождений, читающая многочисленные отчёты в интернете, предвкушающая собственный проект, который, к слову, может долго не реализовываться по тем или иным причинам. Тут хорошо просматривается сама структура такого выжидания. Мы имеем группу индивидов, которые в той или иной степени уже столкнулись со страхом собственной конечности в непосредственном восприятии, столкнулись с наслаждением, следующим маятником за преодолением критической точки, точки предельной мобилизации ресурсов индивида. Этот опыт будет проецироваться на любой интенциональный акт, где в первую очередь будет не подобное, лежащее в горизонте предметное, но на страх как модус интенции, страх как ноэтический момент. Мы наблюдаем в таком случае смещение акцентов с предметного на то, что лежит в поле источника интенции, индивида. Гипотетически здесь можно говорить о появлении поклонения страху и риску, говорить не просто о формальных социальных группах, предпочитающих столкновение со страхом, а о группах религиозной направленности. Не зря ведь места

своих самых критических ситуаций экстремалы именуют храмами. Тем более что привнесение божества позволяет ещё проще и ещё эффективнее идентифицировать себя в системе конформных и неконформных групп. Также следует обратить внимание на механизм отбора информации в таких группах. Здесь работает хорошо известный принцип отбора для сдерживания информации из групп адептов тренда антагониста. Определённый настрой габитуса такого индивида направлен на то, чтобы превратить экстрим в привычную, комфортную систему практик, стратегий мышления, а так же необходимость оградить себя и группу от влияния информации с других полей, которая может внести дисбаланс в работу уже существующих установок. Примером тому может служить субкультура сёрферов. Отмечается сложность построения коммуникативного канала с его представителями. Они с удовольствием говорят о волнах, досках, спотах, однако стоит вам завести разговор в некомфортную зону, где сёрфингу либо будет предложена альтернатива, исключительность места сёрфинга в их жизни будет поставлена под сомнение, как их внимание уйдёт с вашей персоны. Причём зона, где вы потеряете их внимание, довольно широка по причине того, что их собственное поле обставлено чётко выраженной структурой символов реальности второго порядка. Поэтому если представитель других групп попытается построить коммуникацию на базе, к примеру, общезначимого экономического поля, руководствуясь экономическим капиталом, он столкнётся с тем, что в группах экстремалов роль этого капитала будет значительно уменьшена. В работе «Практический смысл» П. Бурдьё отмечает: «Экономизм оказывается не в состоянии учесть в своем анализе и тем более в своем расчете ни одну из форм “неэкономического” интереса; осваивая пространство, объективно отданное во власть “голового интереса”, как писал Маркс, экономическому расчету почему-то пришлось оставить в стороне островок сакрального, чудесно сохранившийся в “ледяной воде эгоистического расчета”, прибежище того, чему нет цены – что слишком ценно или вовсе не ценно» [5, с. 221]. На его место будет выведен капитал в виде ключевых символов поля риска. Такой габитус не вырабатывается только лишь сам по себе в процессе осознанной индивидуальной деятельности. Ошибочно полагать, что в группах экстремалов отсутствует своя жёсткая вертикальная стратификация. Учитывая, что у них есть своё поле со своими символами, распределение этого капитала также неравномерно. Более того, так как основной капитал с трудом поддаётся объективации, а индивиды субъективно оценивают меру пережитого страха и риска, можно сделать вывод, что жесткая стратификация будет обусловлена видимыми достижениями относительно как модуса интенции, так и её предмета. Иными словами, мерой престижа будут служить пройденные горные маршруты, покорённые волны, техники парашютных прыжков, боевые действия, политические акции с эскалацией конфликта и т. д., но также и их конституирование в инфор-

мационном поле этих групп. Оценивание соответствия того или иного действия символам будет в руках тех индивидов, кто уже закрепил за собой место в клубе, обслуживающем ось ресурсов этого поля.

Какие же выводы можно сделать из всего вышеизложенного? Во-первых, страх для современных развитых обществ является феноменом социально-рефлексивного плана в большей степени, нежели феноменом биологическим или же имманентно-психологическим. Причём таковым он стал как для тех, кто привык ему покоряться, так и для тех, кто хочет его обуздать. Страх давно и прочно вышел на рынок символов для разных социальных групп, но особенно он стал одним из ключевых символов для тех, кто хочет постоянно ставить себя в позиции повышенного риска. Соответственно мы можем говорить о страхе как о символическом капитале. Во-вторых, в качестве символического капитала страх востребован как в ходе обмена интересубъективным опытом, так и в вопросе принятия позиции индивидом, идентификации им себя на поле предельных рисков. В-третьих, для таких индивидов страх является одним из доминирующих феноменов для фиксации с последующим анализом интенциональной структуры своего сознания.

Список литературы

1. Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции / под ред. М.Г. Ярошевского. М.: Наука, 1990. 379 с.
2. Дуглас М. Чистота и опасность: анализ представлений об осквернении и табу / пер. с англ. Р.Г. Громовой. М.: КАНОН-пресс-Ц: Кучково поле, 2000. 288 с.
3. Хайдеггер М. Что такое метафизика? /пер. с нем. В.В. Бибикина // Новая технократическая волна на Западе: сб. ст. М.: Прогресс, 1986. С. 36–37.
4. Гуссерль Э. Картезианские медитации / пер. с нем. В.И. Молчанова. М.: Академический проект, 2010. 229 с.
5. Бурдые П. Картезианские медитации / пер. с нем. А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.

THE PROBLEM OF FEAR IN THE SUBCULTURE EXTREME

Y.O. Dyachenko

Tver State Technical University, Tver

The article is focused on the analysis of fear perception by the members of contemporary extreme sub-cultures groups whose aim is to control it, to coin the understanding of the consciousness state when we reflexively grasp our phobias. Their reflexive pursuit of risk situations, opposition to the groups interpreting risk as a negative phenomenon externally imposed by the society's

attempt to declare and provide total security are studied within the article's format.

Keywords: *fear, risk, intentionality, social agency, symbolic capital.*

Об авторе:

ДЬЯЧЕНКО Ярослав Олегович – старший преподаватель кафедры медиатехнологий и связи с общественностью ФГБОУ ВПО «Тверской государственной технической университет», Тверь. E-mail: ingwarSwolf@yandex.ru

Author information:

DYACHENKO Yroslav Olegovich – senior lecturer of the Dept. of media technologies and public relations, Tver State Technical University, Tver. E-mail: ingwarSwolf@yandex.ru